

Роман Сенчин

За встречу

*Часть сборника
Иджим (сборник)*

Роман Сенчин

За встречу

«ЭКСМО»

Сенчин Р. В.

За встречу / Р. В. Сенчин — «Эксмо»,

«Полтора месяца, почти все каникулы, Андрей благополучно скрывался за забором в ограде. Погулять по селу, с приятелями встречаться в этот раз совсем не тянуло, даже в магазин сходить или в клуб, а рыбачил он прямо в огороде – метров двадцать берега пруда лежали на их участке... Но как-то вечером, уже под самый конец августа, вышел за водой и влип. У колодца на лавочке трое парней разводили спирт».

Роман Сенчин

За встречу

Полтора месяца, почти все каникулы, Андрей благополучно скрывался за забором в огороде. Погулять по селу, с приятелями встречаться в этот раз совсем не тянуло, даже в магазин сходить или в клуб, а рыбачил он прямо в огороде – метров двадцать берега пруда лежали на их участке...

Но как-то вечером, уже под самый конец августа, вышел за водой и влип. У колодца на лавочке трое парней разводили спирт.

– О, Дрюня! – первым узнал его долговязый, чернявый Олег – Олегыч, – парень лет двадцати, живущий на соседней улице. – Здорово!

– Привет, – ответил Андрей без особой радости, примостил ведра на краю лавочки; вытер руку о штормовку, протянул парням.

В первое лето, когда он приехал сюда с родителями, почти сдружился с Олегом, еще с некоторыми, кто жил в околотке. Валялись на пруду, пили пиво, вечерами ходили на танцы или в кино, или просто гуляли по улицам, к девчонкам подкатывали. Такая жизнь Андрею понравилась, деревенские парни оказались совсем не страшными, и его, бывшего городского, да тем более из другой, можно сказать, страны, из Казахстана, приняли в свою компанию, даже как-то выделяли, уважали.

Но спустя год Андрей почувствовал, что надо что-то делать. Менять. Каждый день и каждый вечер были одинаковыми, разговоры и дела у парней тоже повторялись почти с детальной точностью. И в июле он взял документы и поехал в город, неожиданно легко поступил в пединститут. И вот уже четыре года появлялся дома, хоть и в большом, но дальнем селе, спрятавшемся между хребтами Саян, на два летних месяца. Первое время еще по привычке радовался парням, загорал на берегу пруда, ходил на танцы, катался на вечно полуживом, трескучем, но никак не умирающем «Урале», гордости и драгоценности Вовки Беякова, которого все почему-то называли Редис и Редя. А потом, приезжая, почти не выходил за ворота, при редких встречах с ребятами на их предложение «посидеть, пропустить», как мог отказывался – «сейчас не могу, дела...»

И сегодня – то же.

– Пропустить не хочешь? – спросил коренастый, почти квадратный, с короткой стрижкой, в старых, истресканных сапогах-дутьшах татарин Ленур. – Пойла набрали вот, а хавчика нету. Возьми чего зажевать – и поторчим.

– Да холодно... – Андрей поежился. – Может, завтра днем?

– Да чё ты! В сторожке прекрасно, – мотнул головой Олегыч в сторону развалин пошивочного заводика в конце улицы. – Там печка, всё. Давай, Дрюнька! Да и надо ж – за встречу.

– И как житуха городская, расскажешь, – добавил Вица, третий в компании.

Ленур энергично-аппетитно взбалтывал двухлитровую пластиковую бутылку с разбавленным спиртом, даже язык чуть высунул. И Андрей согласился:

– Ладно, только воду сейчас отнесу.

– И возьми закусить. Хлеба хоть, лука!

– Мяса там...

Мама расщедрилась на соленые огурцы, несколько пирожков с картошкой, полбулки хлеба, пару головок лука. Нарезала сала с прожилками. Заодно, собирая пакетик, раз десять испуганно, будто провозжая Андрея на опасное дело, попросила быть осторожней, скорей возвращаться... Андрей слушал ее с улыбкой: да, когда ребенок перед глазами, о нем, наверное, душа болит куда сильнее, чем когда знаешь, что он далеко и живет самостоятельно. По себе

он знал – вдали от родителей их существование представлялось разнообразным и спокойным, надежным, работа их благодатной, а стоило приехать, увидеть, как и что, – и дня хватало, чтобы захотелось сбежать...

И сегодня, с удовольствием вроде бы занимаясь делами, Андрей чувствовал грусть какой-то бесконечной и неисправимой безысходности. Выдергивал засыхающие, с отрезанными шляпками, будылья подсолнухов, отщипывал ногтями бесконечные усы ягоды «виктории», рвал сорняки, готовые высыпать на землю свои семена, и понимал, что такая работа никогда не кончится, и на будущий год будет то же самое. Весной вскопка, посадка, летом прополка, полив, подкормка настоявшимся во флягах навозом, а под осень – собиранье жиденького урожая, кучки ботвы, снова вскопка гряд, чтоб померзли личинки, чтоб весной земля помягче была. И так – бесконечно. И если у него еще есть какие-то шансы изменить свою жизнь, то у родителей, кажется, уже все... Когда-нибудь он похоронит их на здешнем маленьком кладбище, что лежит на опушке леса, а точнее – на границе села и дикой горной тайги...

– Ты где будешь примерно? – на прощанье спросил отец. – На всякий случай знать.

– В сторожке у пошивочного, скорей всего... Да я скоро вернусь. Просто надо же с местными отношения поддерживать.

– По идее-то надо, – отец кивнул невесело; у них с мамой это не особенно получалось – ни хороших знакомых, ни друзей тем более они за эти годы не нажили. Они здесь оставались людьми другого мира, городского. – Ну, счастливо...

Пока собирался – стемнело. Темнело тут быстро – стоило солнцу заползти за хребет, что чуть ли не нависал над селом, – и тут же наступала ночь. Будто выключали в чулане лампочку... Дни были даже в июне короткими, поэтому и росло почти все на огородах плохо. Только капуста не подводила, морковка, «виктория» и, конечно, картошка...

Олегыч, татарин Ленур и вечно смурноватый, слегка хромоногий Витя, по прозвищу Вица, ждали у колодца. Сидели на спинке лавочки, отпивали по глотку спирт из бутылки, запивали водой. Если бы не Андрей с закуской, наверняка так бы и рассосали все два литра, не заедая, или, что вероятней, полезли бы к кому в огород. Добыли чего-нибудь.

– Во, ништяк, ништяк! – Ленур увидел пакет у Андрея в руке.

– Прекрасно посидим, – добавил Олегыч и соскочил на землю. – Айда!

Пошивочный заводик находился в конце улицы с красивым названием Заозерная. Стоял несколько на отшибе; ворота виднелись издалека, словно бы звали, манили к себе работников, машины с грузом или за грузом.

Два лета назад он еще всю функционировал, выпускал мешки из пеньки, давал работу двум сотням жителей, а позапрошлой зимой – сгорел. Сгорел дотла. Лишь каменный фундамент остался.

То ли случайно это произошло, то ли кто-то поджег. Родители рассказывали Андрею, что удивительно быстро сгорел, за полчаса. Головешки, как ракеты, по небу летали... Тушить никто не пытался.

И вот теперь осиротело ржавели на пригорке ворота (забор после пожара весь растащили), а чудом не съеденная огнем и пощажённая людьми сторожка служила местом выпивок и свиданий у молодежи...

– Во-о, ништя-ак, – улыбался Ленур, все поглядывая на Андреев пакет. – Теперь можно...

– Прекрасно посидим, – добавлял Олегыч. – Не в обиду...

Сторожка имела почти жилой вид. Даже огарок свечи на столе лежал, а у железной печки – дровишки. Окно без стекол затянуто мешковиной.

Пока самый деловитый из парней Олегыч разбирался с закуской, Вица и Ленур пытались растопить печку. Привычно и беззлобно переругивались:

– Да куда ж ты, бляха, сразу коряги эти суешь? Дай разгореться.

- Ага, счас жар спадет, и эти хрен примутся!
- Вица, да ты долбон. Я и не знал!
- Гля, в торец схлопочешь, поскоть драная...

Андрей достал сигареты, присел на чурку возле стола. Теперь он слегка жалел, что притащился сюда. Зачем? Лучше бы провел вечер дома, в своей украшенной книжными стеллажами комнате, почитал, полистал бы энциклопедии, альбомы с коллекцией марок, которые собирал в детстве, карауля их новые завозы в магазинчике «Филателия»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.